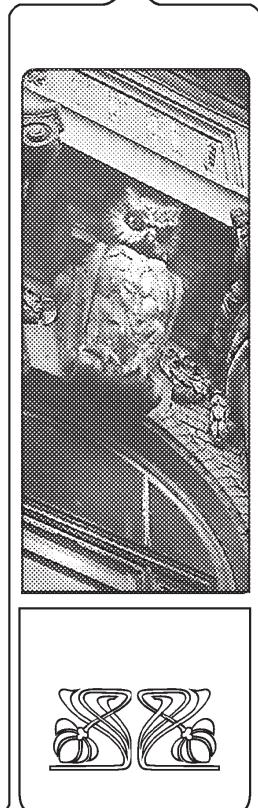
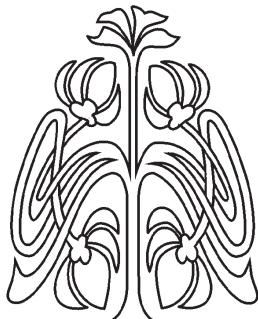
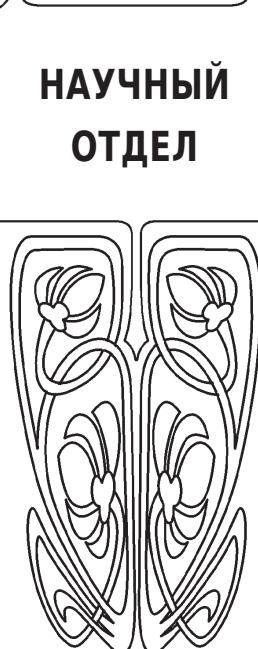

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.

2025. Т. 25, вып. 4. С. 346–362

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 346–362

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-346-362>

EDN: CMNIEU

Научная статья

УДК 330.8

Эволюция парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. Введение. Современная научная плеяда японских экономистов сохраняла преемственность теоретических взглядов и предопределила вектор «вестернизации» в эволюции концептуальной парадигмы «Полет диких гусей». *Научный обзор*. С 1960-х гг. Япония утверждалась в статусе промышленно развитой торговой державы. В 1980-х гг. парадигма «Полет диких гусей» стала моделью для Восточной Азии. Япония руководила региональными экономическими отношениями, осуществляла программу сотрудничества, будучи крупнейшим в мире распределителем помощи, резервировала средства для соседних стран. В роли «ведущего гуся» Восточной Азии японская экономика внедряла новые продукты и технологии, расширяла область регионального разделения труда, увеличивала импорт и экспорт. Научное творчество К. Кодзимы затронуло осмысление перемен в японской, восточноазиатской и мировой экономике последней трети XX в. Концептуальные схемы ученого объясняли взаимосвязь между увеличением прямых иностранных инвестиций японских корпораций, развитием международного разделения труда, торговли и интеграции, экономическим ростом азиатских стран в хронологическом и иерархическом порядке. С. Окита внес важнейший вклад в продвижение модели «Полет диких гусей» в мировом политико-экономическом дискурсе. Т. Озава доказал, что Япония добилась успеха, опираясь на использование своих традиционных нравственных и социальных ценностей в государственной экономической политике и организации предпринимательской деятельности. Проблемы международной политики экономического развития и торговли, роли государства в индустриализации, интеграции, развитии стран Восточной Азии в рамках парадигмы «Полет диких гусей» изучал С. Касахара. **Заключение.** Проведенное исследование показало историко-экономическую обусловленность эволюции парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии.

Ключевые слова: политическая экономия Японии, парадигма «Полет диких гусей», К. Акамацу, К. Кодзима, С. Окита, Т. Озава, С. Касахара

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Эволюция парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 346–362. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-346-362>, EDN: CMNIEU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The evolution of the “Flying Wild Geese” paradigm in contemporary political economy of Japan

G. A. Cheremisinov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Abstract. *Introduction.* The modern scientific galaxy of Japanese economists maintained the continuity of theoretical views and predetermined the vector of “Westernization” in the evolution of the “Flying Wild Geese” conceptual paradigm. *Scientific review.* Since the 1960s, Japan has established itself as an industrially developed trading power. In the 1980s, the “Flying Wild Geese” paradigm became a model for East Asia. Japan managed regional economic relations, implemented a cooperation program, being the world’s largest distributor of aid, and reserved funds for neighboring countries. In the role of the “leading goose” of East Asia, Japanese economy introduced new products and technologies, expanded the area of regional division of labor, and increased imports and exports. The scientific work of K. Kojima affected the understanding of changes in the Japanese, East Asian and world economies of the last third of the XX century. The scientist’s conceptual schemes explained the relationship between the increase in foreign direct investment by Japanese corporations, the development of international labor division, trade and integration, and the economic growth of Asian countries in chronological and hierarchical order. S. Okita made a major contribution to promoting the “Flying Wild Geese” model in the global political and economic discourse. T. Ozawa proved that Japan had achieved success by relying on the use of its traditional moral and social values in state economic policy and the organization of entrepreneurial activity. S. Kasahara studied the problems of international policy of economic development and trade, the role of the state in industrialization, integration, and development of East Asian countries within the framework of the “Flying Wild Geese” paradigm. *Conclusion.* The conducted research showed the historical and economic conditionality of the “Flying Wild Geese” paradigm evolution in the modern political economy of Japan.

Keywords: political economy of Japan, “Flying Wild Geese” paradigm, K. Akamatsu, K. Kojima, S. Okita, T. Ozawa, S. Kasahara

For citation: Cheremisinov G. A. The evolution of the “Flying Wild Geese” paradigm in contemporary political economy of Japan. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 346–362 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-4-346-362>, EDN: CMNIEU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Настоящая статья хронологически и содержательно продолжает исследование предыдущей публикации «Концептуальная основа современной политической экономии Японии: парадигма “Полет диких гусей”» [1].

Издание на английском языке и представление широкой общественности в начале 1960-х гг. статей Канаме Акамацу (1896–1974) с изложением теоретико-методологических аспектов парадигмы «Полет диких гусей» («*Flying Wild Geese*», парадигмы FG) [2, 3] вошло в череду событий, знаменовавших смену вех в истории экономики и экономической мысли Японии.

В современной науке наблюдалась преемственность взглядов ведущих японских экономистов, подкрепленная их тесным и плотновторным сотрудничеством, воплотившимся в совместных публикациях и во взаимных дружелюбных реферативных обзорах творческих достижений своих коллег. Специалисты изучали изменения экономической политики японского государства и бизнеса в зависимости от динамики хозяйственной конъюнктуры. Ученые разрабатывали теорию эффективной

экономической стратегии, предлагали меры по улучшению народнохозяйственной ситуации и реализации национальных интересов Страны восходящего солнца. Концептуальной основой политической экономии Японии была парадигма FG, а вектором ее эволюции стала «вестернизация» исходной теории К. Акамацу.

Научный обзор

Ускоренное развитие японской экономики с середины 1950-х гг. – «Японское чудо» – запустило регионально-глобальный процесс впечатляющего экономического роста стран Восточной Азии – «Восточноазиатское чудо».

Экономический рывок Японии, расположенной на ограниченном пространстве скудного ресурсами, плотно заселенного гористого архипелага, был «историей великих структурных преобразований», которые позволили стране менее чем через три десятилетия после Второй мировой войны догнать лидеров международного хозяйства. Японцы не только умело пользовались объективным стечением благоприятных обстоятельств, но и сами неустанно создавали их. Стремясь к реализации национальной цели сближения с развитым Западом, Япония в по-

словоенные годы сформировала уникальный набор институтов и начала проводить политику укрепления международной конкурентоспособности частного сектора в ряде высокопроизводительных отраслей [4, р. xiii].

Отправной точкой бурного подъема Японии стала Корейская война 1950–1953 гг., которая инициировала экономическую помощь США: инвестиции, освоение современных технологий и инноваций, открытие для японских товаров американского рынка. Япония – важнейший азиатский союзник Соединенных Штатов – оказалась бенефициаром массовых стимулирующих закупок в ходе Корейской войны на сумму 3,4 млрд долл., что составляло четверть всего американского товарного импорта и было сравнимо с размерами помощи по плану Маршалла европейским странам: ФРГ, Великобритании, Франции [5, р. 13]. Результат не заставил себя ждать; японская экономика в 1960-е гг. энергично набирала мощь.

Произошло качественное изменение внешнеэкономического – глобального и восточноазиатского регионального – положения Японии. Столетний, со времен эпохи Мэйдзи, историко-экономический опыт, послуживший фактологическим материалом для разработки К. Акамацу парадигмы «Полет диких гусей», демонстрировал подчиненное место Японии в периоды Pax Britannica и Pax Americana, на протяжении которых японская экономика успешно заимствовала достижения Великобритании и США. В терминологии парадигмы FG это означало, что Англия и Соединенные Штаты были промышленными лидерами, а Япония – догоняющим последователем индустриализации; такая диспозиция представляла расположение ведущего и ведомого «гуся» во «всемирной стае» стран различных уровней экономического развития.

С 1960-х гг. японцы постепенно утверждались в статусе технологического лидера и мощной промышленно-торговой державы, а в 1980-х современная парадигма FG рассматривалась уже как иерархически ориентированная на Японию восточноазиатская модель.

Япония добилась успеха, переместив производство и экспорт с текстильной промышленности, судостроения, металлургии и химии в 1950-х и 1960-х гг. на автомобили и электронную бытовую технику в 1970-х и 1980-х гг., затем в высокотехнологичные сектора, включая компьютерные и информационные технологии

в 1990-х и 2000-х гг. Со временем некоторые японские фирмы из «устаревших» отраслей перебрались за границу, а оставшиеся дома фирмы модернизировали производство. Проникновение в офшоры поощрялось дешевыми факторами производства, прежде всего низкооплачиваемой рабочей силой [6, р. 3].

Зарубежная экспансия Японии в «новые индустриальные страны (НИС) первого уровня» – Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг – началась в 1960-е гг. и активизировалась в 1970-х гг. Дальнейший сдвиг в местоположении японского бизнеса в 1980-е гг. вовлек в его сферу НИС 2-го уровня – Малайзию, Таиланд и Индонезию. Зоной очередного перемещения экономической активности Японии в 1980-х и 1990-х гг. оказался Китай, присоединившийся к региональной иерархии и наладивший изначально экспорт природных ресурсов вместе с ресурсоемкой и трудоемкой продукцией, позднее освоив выпуск более сложных продуктов. Недавно зашла речь о распространении парадигмы FG на Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Мьянму, Индию, Пакистан и т.д. [6, р. 3, 99].

Экономическая политика Японии не довольствовалась коммерческим подходом к повышению прибыльности хозяйствования посредством межотраслевой перестройки производства и стимулирования экспорта. Развитие японской экономики было разносторонним, многомерным, скоординированным, эффективным.

Успешное обновление экономик Восточной Азии во многом объяснялось контекстом «холодной войны»: дипломатической, финансовой и даже военной помощью США. Япония смогла воспользоваться преимуществами быстро растущей международной экономики и беспрепятственного доступа к рынкам Европы и Северной Америки, не открывая собственные рынки, сохраняя контроль над внутренней финансовой системой [5, р. 13].

Япония взяла на себя руководство региональными экономическими отношениями, осуществляя широкую программу сотрудничества, оказывая государственную поддержку и направляя частные инвестиции своим соседям. Японская официальная помощь началась в 1950-е гг. с военных reparаций, которые включали экспортные и связанные кредиты, сооружение предприятий и долгосрочные инвестиционные проекты; они открыли рынки для японских фирм, создали возможности

получения личной выгоды деловым и политическим лидерам. С конца 1960-х гг., после доминирования в восточноазиатском регионе прямых иностранных инвестиций (ПИИ) США, инициативой завладели японцы [5, р. 12,14].

Деятельность японских транснациональных корпораций развернулась по всему миру. В начале 1970-х гг. их иностранные инвестицииросли высокими темпами на фоне нехватки рабочей силы в стране, расширения потребности в заграничных промышленных ресурсах, укрепления курса иены, удорожания внутреннего производства и экспорта, увеличения рентабельности зарубежного производства [4, р. xiii].

Японская экономика претерпела ряд трансформаций от низкого к более высокому и масштабному уровню добавленной стоимости. Япония быстро догоняла развитые страны, но в ее экономике преобладала тяжелая и химическая промышленность, ухудшавшая экологию. Проблему решило создание ресурсосберегающих, менее вредных для окружающей среды, высокоприбыльных, научноемких отраслей, внедрение технологий сборки мирового класса, превративших массовое производство в «бережливую технологию», известную как производственная система «Тойота». Новый метод организации хозяйственной деятельности (гибкое или бережливое производство) ориентировался на исключение потерь в перемещении комплектующих и обработке материалов. Организационные и технологические инновации поддержали реструктуризацию японской экономики, конкурентоспособность экспорта и инвестиционную активность за рубежом [4, р. xiv].

Приоритетное углубление экономической интеграции Японии с восточноазиатскими странами сформировало эффективный географический кластер, консолидировало самый быстрорастущий регион планеты. Парадоксально, но успех экономического национализма, изначально направленного на обретение независимости от иностранных интересов, усилил зависимость от остального мира, вынудил Японию «играть в игры» регионализма и глобализации [4, р. xiv].

Наблюдались три волны вывоза японских ПИИ. Первая волна была вызвана повышением курса японской иены после распада Бреттон-Вудской системы в 1971 г., и она была сосредоточена на природных ресурсах в развивающихся странах. Большая часть второй волны, начиная с конца 1970-х гг., была связана с обрабатывающей промышленностью в

Северной Америке, а также с производством и освоением природных ресурсов в Азии, однако в Европе она отставала. Третья волна, самая драматичная по масштабам, поднялась в середине 1980-х гг.; ПИИ выросли примерно в пять с половиной раз в Северной Америке и Европе, в полтора раза в Азии [6, р. 117].

В 1980-х гг. надломилась восходящая фаза конъюнктуры большого цикла Кондратьева (К-цикла), на концепции которого строилась модель FG К. Акамацу. Поворот к худшему долгосрочной конъюнктуры в мировом хозяйстве означал снижение темпов экономического роста, оскудение производственных и финансовых ресурсов, ужесточение борьбы за их перераспределение. Обострились противоречия политico-экономических интересов в международной сфере и внутри государств. Усиление конкурентного давления США подвигло к сохранению и обустройству системообразующей позиции Японии в региональном восточноазиатском экономическом кластере.

На колебания макроэкономической конъюнктуры воздействовали «Соглашение Плаза» в 1985 г. и «Обратное соглашение Плаза» в 1995 г. Пять государств – Великобритания, Западная Германия, США, Франция и Япония – договорились проводить политику скоординированной стабилизации курсов валют и заключили соглашение, подписанное в отеле «Плаза» в Нью-Йорке 22 сентября 1985 г. «Соглашение Плаза» предполагало ослабление доллара на 20% против японской иены и на 15% против немецкой марки. Фактически же за два года курс доллара снизился на 46% относительно немецкой марки и на 50% относительно японской иены [7, с. 95, 96].

Повышение конкурентоспособности и прибыльности американских производителей за счет девальвации доллара и ревальвации иены и марки ухудшило состояние экономики Германии и Японии, замедлило расширение мирового спроса. Макроэкономическая конъюнктура исходящей фазы К-цикла допускала успешное развитие лишь отдельных регионов. Вплоть до 1996 г. Восточная Азия были единственным центром интенсивного накопления капитала. Застой экономик передовых стран поощрял отток инвестиций на развивающиеся рынки и периферию мирового хозяйства [7, с. 96].

Международные усилия по преодолению глубокого циклического спада первой половины 1990-х гг. помогли восстановлению

американской экономики, но снизили прибыльность ведущих мировых корпораций. К 1995 г. курс иены достиг исторического максимума в 79 единиц за доллар, что было в 4 раза выше, чем в 1971 г., и японский промышленный сектор начал «глохнуть» [7, с. 96, 97].

Заключение сделки США, Германии и Японии весной 1995 г., названной «Обратное соглашение Плаза», стабилизировало международную экономику и предотвратило паническую распродажу японцами долгосрочных облигаций Казначейства США. Державы согласились спасти Японию и Германию, опустили курс иены на 50% и марки на 20% относительно курса доллара, вернув мировое хозяйство к состоянию начала 1980-х гг. США, Германия и Япония «открыли шлюзы», и огромные потоки денег наводнили финансовые рынки [7, р. 97].

С скачком ПИИ с середины 1980-х гг. облегчил реструктуризацию японской индустрии, сократив промышленные сектора, потерявшие конкурентоспособность, высвободив ресурсы для выгодных и привлекательных отраслей. Политика Страны восходящего солнца диктовалась ростом производственно-финансового потенциала и ужесточением конкурентной борьбы западных государств. Императив региональной интеграции был навязан Японии усилившим протекционизмом в Соединенных Штатах и Западной Европе в 1970-х и 1980-х гг. Японцы были вынуждены сдерживать свою внешнеэкономическую экспансию «добровольными» ограничениями на экспорт стали, станков, телевизоров, автомобилей, полупроводников и замедлять ПИИ на этих рынках [5, р. 12].

Разница в затратах на рабочую силу между Японией и странами Восточноазиатского региона с середины 1980-х гг. увеличилась из-за быстрого повышения курса иены и побудила японские фирмы к массовому «выходу из дома». К концу 1989 г. Япония накопила 254,4 млрд долл. в виде оттока ПИИ. США получили наибольший объем японских инвестиций – 104,4 млрд долл., а Евросоюз в целом – 40 млрд долл. Однако львиная доля японских ПИИ досталась странам Восточной Азии. После 1990 г. сумма вывозимых Японией инвестиций снизилась, но их доля во вложениях зарубежного капитала в Восточноазиатском регионе возросла с 10% в 1991 г. до 50% в 1997 г. [5, р. 12, 13].

С середины 1980-х гг. США добивались от Японии изменения внутренней экономической стратегии и открытия национального рынка.

Американцы выступили инициаторами серии политических мер: переговоров по «ориентированным на рынок специфическим секторам» в 1985 г., усилий по «управляемой торговле, как второй лучшей альтернативы», всплотившихся в двустороннем Соглашении о торговле полупроводниками (1986–1991 гг.), предложений по «устранению структурных препятствий» (1989–1990 гг.), рамочных переговоров по «двусторонней торговле» (1993–1995 гг.) [5, р. 14].

С окончанием «холодной войны» во второй половине 1980-х гг. потоки помощи Запада и Востока и денег на «покупку» политической стабильности оскудели. Но Япония осталась крупнейшим в мире распределителем помощи и продолжила хозяйственно-ресурсную подпитку соседних государств [5, р. 14].

Большая часть японской помощи выдавалась кредитами в иенах на сооружение плотин, мостов, линий электропередачи и телефонной связи, иных инфраструктурных проектов для успешной индустриализации, на строительство предприятий обрабатывающих отраслей. Она критиковалась другими богатыми странами-донорами за сосредоточение на проектах социально-экономического развития, а не на гуманитарных программах [5, р. 15].

В 1990-е гг. США и их западные союзники пропагандировали либеральные реформы и глобализацию однополярной международной экономики. Япония, защищая сообщество стран, оказывавших помощь, попыталась обратить вспять распространявшееся мнение о «дисконтировании» (ослаблении) роли государства, выделив деньги на исследование под эгидой Всемирного банка успешного опыта экономического развития Восточной Азии¹.

Уступка указаниям Запада дорого обошлась Восточноазиатскому региону, имиджу процветания которого нанес урон финансовый кризис 1997–1998 гг., возникший в результате отхода от стратегии государства развития и быстрой либерализации финансового сектора. С тех пор неолиберальные предписания воспринимаются как прямая угроза экономическим интересам стран [5, р. 15].

«Азиатские гуси уже не летали, а лежали на земле» после «токсичного» кризиса, подвергшего сомнению устойчивость парадигмы FG. На удивление, пострадавшие от валютных

¹ The East Asian miracle: Economic growth and public. A World Bank policy research report. New York : Oxford University Press, 1993. xvii + 389 p.

неурядиц экономики скоро восстановились и вернулись к быстрому росту; ибо кризис был не концом азиатского процветания, а повторением ситуации финансовой нестабильности, порождаемой бурным натиском хозяйственной конъюнктуры. Крах валютных рынков спровоцировало непомерное бесконтрольное движение спекулятивных «горячих денег» после «Обратного соглашения Плаза» в 1995 г. [8, с. 395].

ПИИ обеспечили экономический подъем Восточноазиатского региона, иллюстрируя парадигму FG, согласно которой страны постепенно продвигаются в технологическом развитии, следуя образцу государств, непосредственно опережающих их в процессе эволюции. Хитрость заключалась в том, чтобы принести многонациональные предприятия с современными технологиями в бедные страны, связав с двигателями роста передовых экономик. В роли «ведущего гуся» Восточной Азии японской экономике приходилось внедрять новые продукты и технологии, расширять область регионального разделения труда, увеличивать импорт из соседних стран быстрее, чем экспорт [8, р. 395, 396].

Проведенный экскурс вкратце очертил общий исторический фон взаимодействия экономики и государственной политики, на котором развертывалась эволюция парадигмы экономической мысли Японии.

Статус регионального лидера глобального масштаба предопределил экономические интересы Страны восходящего солнца. Отошла в прошлое догоняющая стратегия последователя индустриализации. Оригинальная модель FG К. Акамацу подверглась преобразованиям. Инициатором пересмотра содержательного наполнения парадигмы FG выступил Киёси Кодзима (1920–2010) – ученик К. Акамацу. К. Кодзима обучался в университетах Лидса и Принстона, окончил Токийский университет коммерции и экономики, получил степень доктора философии в университете Хитоцубаси в Японии, где трудился в 1945–1960 гг. ассистентом профессора кафедры международной экономики, профессором в 1960–1984 гг. и почётным профессором с 1984 г., в 1963 г. был директором Конференции ООН по торговле и развитию, в 1970 г. – советником Азиатского банка развития. К. Кодзима тесно сотрудничал с К. Акамацу уже во время Второй мировой войны; в 1943 г. вышла в свет их совместная публикация «Мировая экономика и технологии» [9, р. 217].

В 1960 г. – почти одновременно с изданием статей К. Акамацу, познакомивших читающую публику с парадигмой FG, – К. Кодзима представил на английском языке свои теоретические построения вариативной модели FG [8, р. 386]. Концептуальные схемы К. Кодзимы отражали перемены в японской, восточноазиатской и мировой экономике последней трети XX в. и объясняли объективно обусловленную взаимосвязь между потоками ПИИ японских корпораций, объемом торговли, углублением международного разделения труда и интеграции, экономическим ростом азиатских стран в хронологическом и иерархическом порядке.

К. Кодзима расширил рамки теории К. Акамацу. В последовательность оригинальной модели FG: импорт – отечественное производство – экспорт, была добавлена стадия перемещения производства за границу посредством «индуцированных» (расчитанных на создание спроса) ПИИ, включая капиталовложения, лицензирование, субподряд, передачу знаний и технологий. Развертывание зарубежного производства предусматривало обратный импорт продукции в страну происхождения ПИИ. В расширенной модели FG прослеживался полный круг: импорт – отечественное производство – экспорт – внешние ПИИ – обратный импорт [10, р. 26].

Концепция парадигмы FG, разработанная К. Кодзимой, объединила три модели. Модель I «Диверсификация и рационализация отраслей» показывала взаимодействие двух циклов формирования структуры экономики. Внутриотраслевой цикл инициировался обновлением продукции и продвижением производства от простых к сложным и изысканным товарам. Межотраслевой цикл генерировался созданием новых отраслей и переходом от изготовления сырьевых и потребительских продуктов к выпуску капитальных и технологически совершенных товаров. Оба цикла повышали эффективность и конкурентоспособность отраслей, рационализируя производство. Внутриотраслевой цикл увеличивал добавленную стоимость и поддерживал рост отрасли. Межотраслевой цикл диверсифицировал производство, улучшал структуру отраслей и экспорта. Параллельное продвижение и взаимодействие циклов в формате модели FG стимулировало подъем национальной экономики [8, р. 379, 380].

Модель II «Ориентированные на торговлю прямые иностранные инвестиции» объясняла сравнительные преимущества внешнеэкономического сотрудничества государств. ПИИ в парадигме FG продвигали индустриализацию «от ведущего гуся к последующему гусю», расширяли базис торговли, ускоряли экономический рост, благоприятствовали региональной хозяйственной интеграции, реализовывали «эффекты просачивания» достижений передовых стран. Зарубежные филиалы корпораций создавали новые отрасли и сферы занятости, способствовали становлению современного местного предпринимательства, обретению управляемых и технических навыков, повышали моральный дух и качество профессиональной подготовки рабочей силы [8, р. 382, 383].

Излагая понимание эволюции парадигмы FG, К. Кодзима сопоставлял свои научные взгляды с теорией «продуктового цикла» американского ученого Раймонда Вернона. Сравнение выяснило противоположность экономических интересов стран и корпораций, различие подходов к их согласованию в рассматриваемых концептуальных моделях.

По мнению японского теоретика, внутриотраслевую модель FG можно назвать «догоняющим продуктовым циклом» в развивающейся экономике, которая заимствует технологии и капиталовложения, увеличивает эффект масштаба производства, проходит «обучение действием», повышает международную конкурентоспособность и старается настичь продвинутый мир. Совершенствуя отечественное производство, фирмы выбирают между диверсификацией деятельности внутри страны и наращиванием ориентированных на торговлю ПИИ за рубежом [8, р. 383].

Р. Вернон выстроил модель цикла продукта, созданного в передовой экономике США, без объяснения процесса инноваций. Рост выпуска нового изделия побуждал американские фирмы осуществлять ПИИ, ограничивающие импорт, преодолевать тарифы и иные торговые барьеры, монополизировать или контролировать зарубежные рынки, предотвращая выход на них чужих транснациональных компаний. Подобные вложения капитала К. Кодзима назвал «направленными против торговли ПИИ». Их приток может сокращать внутренний выпуск и экспорт нового продукта, приводить к разрушению промышленности страны, принимающей капитал [8, р. 383, 384].

К. Кодзима попытался «навести мосты» между экономической мыслью Японии и Запада, доказать совместимость парадигмы FG с концепцией продуктового цикла, предположив, что модель Р. Вернона допускает различные типы ПИИ. Новый продукт на стадии зрелости становится стандартным, технологически стабильным производством, и доминирование на ранней стадии научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, управляемых навыков уступает место преимуществам неквалифицированного и дешевого труда. Перенос производства зрелого продукта в развивающиеся страны с низкой заработной платой, по мнению японского экономиста, могут обеспечивать ориентированные на торговлю ПИИ [8, р. 384].

Обращение К. Кодзими к экономической мысли Запада воспринималось как смена интерпретации парадигмы FG. Кристиан Шроппель и Марико Накадзима подчеркнули отличие оригинальной модели FG от теорий западного происхождения, обусловленное пониманием факторов и связей экономического развития, влияния спроса и предложения, а такжеialectическим мышлением К. Акамацу. Реформирование парадигмы FG и желание К. Кодзими соединить подход К. Акамацу с неоклассическим мышлением привело к «вестернизации» японских идей экономического развития. Адаптация парадигмы FG в соответствии с перспективой статуса Японии, от последователя до лидера, сопровождалась утверждением модели догоняющего роста в восточноазиатском политическом дискурсе [9, р. 203, 217].

Модель III «Согласованная специализация» презентовала видение механизмов гармоничного, взаимовыгодного разрешения противоречий интересов восточноазиатских стран в процессе региональной экономической интеграции. Распространение индустриализации в соответствии с моделью FG формирует схожие структуры промышленности и экспорта в каждой стране. Поэтому продвижение внутриотраслевой торговли предотвращает коммерческие конфликты и содействует региональной интеграции. Импорт стимулируется инвестициями из оффшорных источников и облегчается, если ПИИ ориентированы на расширение торговли и взаимовыгодное получение прибыли [8, р. 386, 387].

Согласованная специализация, по разумению К. Кодзими, возможна внутри региональ-

ной группы, ибо интеграция обеспечивает взаимную либерализацию торговли и инвестиций. С середины 1970-х гг. некоторые страны Восточной Азии обратились к открытой экономической политике, частичной либерализации импорта, поощрению эффектов просачивания от ПИИ, полагая, что чем больше открыта экономика, тем быстрее ее рост [8, р. 387, 393].

Теоретическое моделирование К. Кодзимы стало значимым этапом эволюции парадигмы FG, специфику которого определило выстраивание японоцентрической восточноазиатской интеграции. Исходные позиции обусловливались конкуренцией и экономическими интересами Японии, осваивавшейся с ролью регионального лидера, чаявшего свободы действий в сферах торговли, инвестиций, кредитования, отраслевой структурной политики, стратегии роста, внешнеэкономических связей. Впрочем, реализация объективной потребности в либерализации дополнялась учетом политico-экономических интересов других стран, поиском вариантов взаимовыгодного международного сотрудничества, сохранением конкурентных преимуществ Японии, поддерживаемых государственной властью.

Концептуальные построения ученика К. Акамацу заложили предпосылки разнобразных компромиссов и осмысления альтернативных взглядов. Разговор шел о сочетании японских идей и интересов с выгодами стран-партнеров, государственной политики и межгосударственной организации с либерально-рыночными механизмами регулирования. Избирательное восприятие фрагментов неоклассической теории упрощало переходы между микроэкономическими и макроэкономическими аспектами научного исследования. Успешная восточноазиатская экономическая интеграция свидетельствовала о теоретической обоснованности, гибкости, содержательности и практичности парадигмы FG.

ПИИ ускорили рост международной торговли, подтолкнули азиатские страны к подготовке институциональных механизмов и политической координации регионального объединения. К. Кодзима одним из первых разглядел возникшую потребность и выступил за создание открытой зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе [10, р. 29]. Многолетняя информационно-пропагандистская и организаторская работа К. Кодзимы охватила три этапа. В 1968 г. для реализации

внесенного им предложения о сообществе была организована Тихоокеанская конференция по торговле и развитию. Итогом семинара в сентябре 1980 г. в Канберре стало образование Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества. Конференция министров в ноябре 1989 г. в Канберре завершилась созданием форума (площадки) Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, объединившего 21 государство [8, р. 396].

В 1990-х гг. модель FG утвердилась среди японских экономистов, интеллектуалов и бизнес-элит в образе непререкаемой «ортодоксии развития», идеологически оправдывающей деятельность Японии в статусе гегемона Восточной Азии. Неоценимый вклад в продвижение парадигмы FG в политическом дискурсе внес Сабуро Окита (1914–1993) – самый влиятельный из послевоенных экономистов-чиновников. С. Окита в 1934 г. окончил Токийский императорский университет, в 1962 г. получил докторскую степень в Университете Нагоя, с 1945 г. занимал руководящие должности в японских экономических ведомствах. В 1945–1947 гг. он работал в исследовательском бюро Министерства иностранных дел, в 1952–1953 гг. был секретарем отдела экономического анализа Экономической и социальной комиссии по проблемам Азии и Тихого океана, в 1953–1964 гг. в Агентстве экономического планирования был главным разработчиком плана удвоения национального дохода японской экономики, став «отцом» японского экономического «чуда»; основные контрольные цифры плана, рассчитанного на 10 лет с 1961 по 1970 г., были перевыполнены. В 1964 г. С. Окита покинул службу в правительстве и руководил Японским центром экономических исследований до 1979 г., в 1979–1980 гг. был министром иностранных дел Японии, в 1982 г. избран президентом Международного университета Японии, в 1986–1988 гг. был международным председателем Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, в 1989 г. стал председателем правления Института внутренних и международных политических исследований в Токио. Не будучи учеником К. Акамацу и не имея отношения к университету Хитоцубаси, С. Окита ввел парадигму FG в концепцию международной экономики [9, р. 223, 224].

«Либеральные интернационалисты» С. Окита и К. Кодзима организовали конференцию Тихоокеанской свободной торговли и развития, которая прошла в 1968 г. в Японском

центре экономических исследований. С. Окита возглавлял научную группу подготовки первой Тихоокеанской конференции по экономическому сотрудничеству, состоявшуюся в Канберре в 1980 г. [9, р. 224].

Выступая на четвертой конференции Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, проходившей в Сеуле 29 апреля – 1 мая 1985 г., С. Окита представил модель развития FG широкой аудитории из Азии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Латинской Америки. Бывший министр иностранных дел Японии изложил научное видение причин стремительного и сравнительно гармоничного, взаимосвязанного роста экономик восточноазиатских стран. Обсуждение проблемы сосредоточилось вокруг формирования разделения труда в Тихоокеанском регионе в режиме модели FG.

С. Окита говорил, что традиционно существовали две модели международного разделения труда: вертикальное разделение труда, преобладавшее в XIX в. в отношениях между промышленно развитой страной и страной, поставлявшей ресурсы, или между сузереном и колонией, и горизонтальное разделение труда, сложившееся в ЕЭС, с торговлей промышленными товарами между странами, находящимися на одной стадии эволюции и имеющими общую культуру. Модель FG отличается иным динанизмом. В Тихоокеанском регионе издавна ведущей силой были Соединенные Штаты Америки. С конца XIX в. догоняющее развитие в производстве потребительских продуктов и капитальных товаров начала Япония, по стопам которой пошли другие азиатские страны [8, р. 385].

Между азиатскими государствами существует большое разнообразие в стадиях развития, природных ресурсов, культурного, религиозного и исторического наследия, поэтому экономическая интеграция по модели ЕЭС невозможна. Однако указанные различия благоприятствуют модели совместного развития FG, поскольку каждое государство в состоянии воспользоваться преимуществами самобытности для продвижения и углубления разделения труда. Благодаря статусу С. Окита парадигма FG обрела известность и популярность не только в академических кругах, но и в политическом, деловом и даже журналистском мире, была высоко оценена как двигатель подъема «в стае» восточноазиатских экономик. Модель FG

превратилась в символ регионального пути развития, который творил «чудо Восточной Азии» [8, р. 385, 388].

Время знаменитого выступления С. Окиты не было случайным. В мировом хозяйстве обострялись противоречия интересов, нагнеталась конфликтность в конкурентном противостоянии стран. Хронология подтверждает закономерное совпадение событий. На заседании ОЭСР в апреле 1985 г. США заявили о желательности встречи крупнейших промышленно развитых стран по вопросу международной валютной реформы. 22 сентября 1985 г. министры финансов и управляющие центральными банками США, Франции, Германии, Японии и Великобритании встретились в отеле «Плаза» в Нью-Йорке и заключили упоминавшееся выше соглашение. Претворение в жизнь договоренности резко укрепило валютный курс иены и заставило правящую власть Страны восходящего солнца корректировать экономическую стратегию.

Лидерство в предоставлении помощи утвердило Японию на позиции азиатского гегемона-инвестора. Рациональное и эффективное вложение капитала обеспечивало освоение экономического пространства, создание преимуществ в конкурентной борьбе с Западом. Подход японцев выглядел привлекательнее, чем примитивная западная эксплуатация зарубежных ресурсов в условиях нарастающей внешней задолженности слабых стран.

Профит внешнеторгового баланса рождал избыток сбережений, который приносил выгоды от увеличения потока ПИИ Японии в развивающиеся страны. Использование опыта модели FG в Восточноазиатском регионе способствовало наращиванию экономической помощи странам третьего мира.

Иерархия интересов складывалась в зависимости от иерархии модели разделения труда, которая могла быть взаимовыгодной. Парадигма FG допускала взаимоприемлемое согласование интересов всех «гусей стаи» национальных экономик. Японцы умело отстаивали свои преференции, предлагая компромиссы зарубежным партнерам. Финансовая помощь была вспомогательным средством. Главным источником экономического роста служили японские ПИИ в реальную экономику и торговлю развивающихся стран.

Размеры вынужденных сбережений из-за вздорожания иены выталкивали экономику Японии за пределы Восточной Азии. Поэтому

С. Окита избрал широкий ракурс постановки и решения злободневных проблем – отношения Север – Юг (развитые и развивающиеся страны) в публикации «Открывающиеся перспективы развития мировой экономики» на площадке ЮНКТАД в 1987 г.

Японский исследователь оценивал перспективы мировой экономики исходя из тенденций усиления конкурентной борьбы и возможностей компромиссного разрешения противоречий национальных политико-экономических интересов. Рассуждения экономиста-практика опирались на позитивный опыт взаимовыгодной интеграции государств Восточной Азии под предводительством Японии, а также затрагивали проблемы конфликтных взаимоотношений США с союзниками.

По мнению С. Окиты, главные цели диалога Север – Юг – содействие подъему развивающихся стран и постепенная их интеграция в международную экономику, в том числе путем устранения дисбаланса торговли США с Японией и ФРГ. Рециркуляция части положительного сальдо в развивающиеся страны позволила бы им увеличить объем импорта из США, сократить дефицит торгового баланса американцев. Экономист-управленец анонсировал японскую версию «Плана Маршалла» – помочь странам третьего мира, которая в 1986 г. составила 20 млрд долл. [11, р. 7–9].

Эволюция парадигмы FG воплотилась в противостоянии Японии с США и подконтрольными американцам институтами – Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком, а также в противоборстве концептуальных основ японской экономической мысли с западной стандартной неоклассической экономической теорией.

Объективные предпосылки конфронтации сформулировал К. Кодзима: «Вызванный ПИИ рост азиатских гусей, которым руководила японская экономика, привел к “торговле в треугольнике”, в которой капитальные товары, компоненты и другие материалы приобретались в Японии (и все чаще в Тайване и Корее), обрабатывались в НИС, АСЕАН, Китае и экспорттировались на рынки третьих стран, больше в США, чем в Японию. Эта торговля в треугольнике создавала серьезный дефицит торгового баланса азиатских стран с Японией и растущий дефицит США с азиатской группой и Японией. Такое развитие неизбежно порождало торговые конфликты с США» [8, р. 393].

Публичная полемика Японии и Всемирного банка дала повод для рассуждений об истоках и познавательном потенциале концепций экономического развития. К. Шроппель и М. Накадзима констатировали, что позиция японцев в спорах со Всемирным банком в 1990-х гг. показала влияние в их академических и правительственный кругах основных элементов мышления К. Акамацу, несмотря на вестернизацию модели FG [9, р. 203].

Японские ученые-экономисты и государственные чиновники, занимавшиеся помощью в целях развития, критически относились к неоклассическому подходу, продвигавшему политику одностороннего глобального доминирования экономических интересов США. Разногласия привели к дебатам между правительством Японии и международными финансовыми учреждениями. В 1991 г. Всемирный банк пожаловался на рыночные искажения, вызванные японскими кредитами. Со своей стороны японский Фонд внешнеэкономического сотрудничества указал на отсутствие финансовых рынков, неэффективность или негативные последствия функционирования рыночного механизма во многих секторах экономики, необходимость укрепления институтов развивающихся стран и разработки соответствующей политики. После публикации Всемирным банком исследования «Восточноазиатское чудо» в 1993 г. Япония и международный финансовый институт достигли некоторого компромисса в повседневной политике, но академическая полемика и фоновые дискуссии между чиновниками по фундаментальным проблемам продолжились [9, р. 226].

В 1997 г. Я마다 Кацухиса, президент Института развивающихся экономик, критиковал исследование Всемирного банка «Восточноазиатское чудо», основанное на неоклассической теории, считающей рыночную экономику всемогущей и занимающей позицию механически рациональной парадигмы науки, созданной Рене Декартом в XVII в. Неисторическая и неэволюционная неоклассическая парадигма чрезмерно упрощает ситуацию, а доминирующая в Японии школа мысли изучает экономические системы с исторической, эволюционной точки зрения. Дебаты по поводу производственных факторов или ресурсов и роли экономической политики касались отличий оригинальной концепции К. Акамацу от неоклассической экономической теории и поздних интерпретаций модели экономического развития FG [9, р. 227].

К. Шроппель и М. Накадзима пришли к выводу о противоположности мышления японских и западных ученых. Парадигма FG К. Акамацу выяснила различия предпосылок японских и западных теорий экономического развития. Споры не ограничились академической сферой, а сопровождались интенсивным обсуждением на самых высоких уровнях учреждений Японии по оказанию помощи и Всемирного банка, что подчеркивало значимость разногласий обеих сторон дискуссии [9, р. 228].

Подход К. Акамацу с позиции развивающейся страны отличался от неоклассической парадигмы, которая воцарилась в глобальных финансовых институтах – МВФ и Всемирном банке. Государственная политика поддержки промышленности не воспринималась новым институционализмом, утвердившимся во Всемирном банке в 1990-х гг. Благоприятный взгляд К. Акамацу на торговлю между развитыми и развивающимися странами шел вразрез с большинством теорий школы зависимости [9, р. 228].

Предпосылки оригинальной модели FG не вписывались в категории современных западных концепций и игнорировались или рассматривались как описательный отчет о быстрорастущих восточноазиатских экономиках. Вестернизация популяризовала на международном уровне парадигму FG в терминах К. Акамацу, которые использовались в дебатах, но с риском утраты содержательности теоретического анализа [9, р. 228].

О недобросовестности публичного ведения полемики международными финансовыми институтами поведал американский ученый Джозеф Стиглиц, занимавший в 1997–2000 гг. должность вице-президента и главного экономиста Всемирного банка. Развернутые цитаты лауреата Нобелевской премии по экономике говорят сами за себя: «Когда кризис (1997 г.) разразился, я был поражен, сколь жестко критиковали МВФ и министерство финансов США азиатские страны. Согласно МВФ, азиатские национальные институты насквозь прогнили, их правительства полностью коррумпированы и все они нуждаются в реформировании» [12, с. 116].

Дж. Стиглиц недоумевал: «Меня поразило, как институты этих стран могли оказаться столь прогнившими, если они на протяжении длительного времени так хорошо функционировали. Разница в оценке региона между тем,

что было известно мне, и обвинениями МВФ и министерства финансов США казалась малопонятной до тех пор, пока я не вспомнил бурную полемику вокруг самого “восточноазиатского чуда”. МВФ и Всемирный банк почти сознательно избегали изучения региона, хотя можно предположить, что ввиду его успехов они естественным образом стали бы обращаться к его опыту для использования в других местах. Только под давлением Японии, предложившей оплатить расходы, Всемирный банк занялся исследованием экономического роста в Восточной Азии (окончательный доклад опубликован под названием “Восточноазиатское чудо”). Причина была очевидной, эти страны добились успехов не только вопреки тому, что не последовали в большей части диктату Вашингтонского консенсуса, но именно потому они ему не последовали. Хотя эти выводы экспертов в окончательном, официальном опубликованном докладе были приглушенны, в проведенном Всемирным банком исследовании “восточноазиатского чуда” была выявлена важная роль, которую сыграло государство. Это радикально отличалось от столь излюбленного тезиса Вашингтонского консенсуса о минимизации роли государства. <...> Ни одна другая группа стран в мире не добилась такой нормы сбережений и такого удачного размещения инвестиций. Именно государственная политика обеспечила странам Восточной Азии одновременное достижение обеих целей. Получилось любопытное логическое противоречие: они (критики) отказывались признать заслуги правительства региона в успехах предшествующей четверти века, но спешили возложить на них ответственность за неудачи» [12, с. 117–118].

Эстафету «вестернизации» парадигмы FG принял Терутомо Озава – ученик и соавтор К. Кодзими. Т. Озава родился в 1935 г. в Японии, после окончания бакалавриата гуманитарных наук Токийского университета иностранных языков в 1958 г. прибыл в США в 1959 г., где в 1962 г. окончил магистратуру делового администрирования Колумбийского университета, в 1966 г. стал доктором философии, в 1973 г. получил американское гражданство, работал ассистентом профессора в 1966–1974 гг., профессором экономики в Университете штата Колорадо с 1974 г., был приглашенным исследователем в университетах США и Великобритании в 1975–1983 гг., был консультантом Всемирного банка, Эко-

номической и социальной комиссии Азии и Тихого океана и Конференции по торговле и развитию ООН.

Научное творчество Т. Озавы парадоксально. Ученый ощущает себя приверженцем западного мировоззрения, приобщившись к ценностям американского гражданства в повседневной жизни и исповедуя парадигму стандартной неоклассической экономической теории на профессиональной стезе. С позиций фундаментально-рыночного мейнстрима Т. Озawa рассматривал парадигму FG, критически изучал опыт модернизации и проблемы японской экономики, возникшие в середине 1980-х гг. из-за перехода в понижательную fazu K-цикла и усиления тенденции глобализации и доминирования США в мировом хозяйстве.

Ученый признал, что Страна восходящего солнца добилась успеха, отказавшись от космополитических рецептов глобального либерализма Вашингтонского консенсуса, опираясь на свои традиционные нравственные и социальные ценности и их умелое использование в государственной экономической политике и организации предпринимательской деятельности. Противоречивость авторской позиции показал анализ динамики отраслевой структуры и социально-экономической модели Японии в публикации «“Скрытая” сторона модели догоняющего роста “Полет гусей”: дирижистская институциональная структура Японии и углубляющееся финансовое болото» [13].

Преобразования отраслевой структуры Т. Озава исследовал, уточняя дефиниции. В соответствии с парадигмой FG Япония успешно развивала сравнительные преимущества и поднималась по лестнице индустриальной модернизации. Но возник структурный отраслевой дуализм: высокоеффективный многонациональный сектор и «неэффективный», изолированный, не зависящий от импорта и притока иностранных инвестиций внутренний сектор. Первый был назван OF сектором (outer-focused – внешне сфокусированным), а второй – ID сектором (inner dependent – внутренне зависимым). Сектор OF представляли автомобилестроение и электроника. Сектор ID включал защищенные первичные отрасли (сельское хозяйство, рыболовство), сферу услуг (транспорт, торговлю, строительство, финансы, страхование, сервис, телекоммуникации), обрабатывающую промышленность, ориентированную на внутренний рынок [13, р. 12, 13].

Дирижизм – государственное управление экономикой – стал национальной бюрократической традицией после восстановления Мэйдзи в 1868 г. Правительственные министерства и ведомства Японии были созданы для руководства вынужденной ускоренной модернизацией страны и предотвращения начавшейся колонизации западными империалистами [13, р. 13].

Япония пережила четыре последовательных трансформации: 1) расширение трудоемкого производства в легкой промышленности (с 1950-х до середины 1960-х гг.); 2) модернизацию тяжелой и химической промышленности (конец 1950-х – начало 1970-х гг.); 3) развертывание массового сборочного производства потребительских товаров длительного пользования – автомобилей и первого поколения бытовой электроники (с конца 1960-х гг.); 4) организацию прорывных разработок НИОКР и основанного на мехатронике автоматизированного гибкого (или бережливого) производства высокодифференцированных товаров широкого ассортимента – телевизоров высокой четкости, электроники последнего поколения, новых материалов, тонкодисперсных химиков, микрочипов (с начала 1980 -х гг.).

Обновление обеспечивали силы поддержки: 1) самоорганизующийся, рациональный механизм рынка; 2) инновационная стратегия предприятий; 3) влияние культуры и традиций; 4) политика правительства. Предложенная Т. Озавой модель ведущего сектора экономики в духе теории инноваций Й. Шумпетера резко контрастировала с неоклассическим пониманием роста как постепенного накопления капитала [13, р. 4].

Возникновение движимой интернетом «Новой экономики» поставило перед Японией проблему отраслевой модернизации посредством информационных технологий и интеллектуального капитала, создания «абстрактных или концептуальных товаров», в отличие от предыдущих стадий догоняющего роста, где ощущимые факторы производства использовались для изготовления материальных благ. По мнению Т. Озавы, Япония – отличный подражатель с эффективной стратегией FG, и эпоха интернета предоставила еще одну возможность «поиграть» в догоняющее развитие [13, р. 20, 21, 22].

Вначале экономист «воспевал оду» интернет-индустрии. Новая экономика была творением американского духа свободы, рыночного механизма, совместным результатом дерегу-

лирования, либерализации торговли, гибкого рынка труда и технологических изменений. США настроили рынки капитала на безудержную эмиссию ценных бумаг, стимулировали слияния и поглощения компаний, создали финансовые предпосылки беспрецедентного экономического бума; а Япония в то время прозябала в «потерянном десятилетии» без экономического роста [13, р. 21, 22].

Далее специалист непредвзято описывал инвестиционный цикл интернет-компаний («доткомов») 1990-х гг. Основанная на интернете модель предпринимательства соответствовала социально-политическим условиям США, экономика которых в начале 2000-х гг. переживала спад после добродетельного круга: «инновации → рост производства → подъем фондового рынка → расширение потребления и инвестиций → рост производства». Эта модель обусловила нехватку квалифицированных кадров и зависимость от иммигрантов, растущий дефицит торгового баланса, долговой навес и увеличение разрыва в доходах. «Схлопывание» высокотехнологичного «пузыря» превратило добродетельный круг в порочный круг [13, р. 22].

В завершение ученый трезво оценивал итоги инвестиционного бума. Необузданная конкуренция при проведении торгов за лицензии на беспроводную связь и последующая мания расширения инвестиций в США и Европе привели к «похмелю» накопленных долгов из-за финансирования через «мусорные» облигации и высоко взлетевшие фондовые рынки, к ослаблению телекоммуникационной отрасли и финансовому кризису [13, р. 22].

Поразмыслив над случившимся, Т. Озава понял, почему японцы не решаются взять на вооружение принцип беспрепятственной конкуренции и социальные ценности, заложенные в капитализм американского образца [13, р. 23].

Протекционизм и регламентация традиционно применялись в японской экономике. Сектор OF возник в Японии под покровительством индустрии в стиле FG. Следуя девизу «первая машина импортируется, вторая машина локально производится по лицензиям» с ориентацией на экспорт, промышленность улучшала цены и качество, стремительно расширяя экономику [13, р. 13, 14].

Сравнительные преимущества сектора OF способствовали росту положительного сальдо торгового баланса, повышению курса иены и

усиливали конкурентное давление на сектор ID, охранявшийся торговыми барьерами от импортных товаров. Сектор ID был политической базой правящей партии Японии, и его можно называть сектором «казенного пирога» («кормушки»). Т. Озава возмущался тем, что японское правительство не позволяло конкурентным силам рационализировать сектор ID, регулировало защиту избранных отраслей, усугубляя межотраслевой разрыв. Сектор OF оказался втянутым в «беговую дорожку» порочного круга борьбы за повышение производительности, экспортной конкурентоспособности, роста торгового профицита и курса иены, потребности в снижении затрат – ибо сектор ID слабо поглощал импорт, укрепляя валюту [13, р. 14].

Обновление продукции и технологий сектора OF сопровождалось наращиванием экспорта обрабатывающей промышленности и внешнеторговыми конфликтами. Японские фирмы впервые разместили сборочные операции в филиалах в Северной Америке и Европе, расширили вывоз деталей и компонентов, увеличивая профицит торгового баланса Японии [13, р. 15].

Сверхдорогая иена подрывала конкурентоспособность предприятий, побуждая их переносить чувствительные к цене сегменты производства с недорогой продукцией, стандартными деталями и комплектующими в страны с низкими издержками посредством ПИИ, изготовления оригинального оборудования, субподряда. Японские фирмы стали ввозить продукцию своих зарубежных предприятий, усиливая зависимость экспортно-конкурентных отраслей от импорта. После «соглашения Плаза» аномально высокий валютный курс иены искал цены и заставил японские компании рьяно перемещать производство за границу, спровоцировал резкий рост ПИИ Японии в 1985–1996 гг. в виде двух всплесков – в 1986–1991 гг. и 1994–1996 гг. [13, р. 16].

Т. Озава удивлялся, что макроэкономическая динамика Японии опровергла положения и рекомендации стандартной неоклассической теории. Укрепление иены должно было сделать импорт дешевле для японских потребителей, а экспорт дороже для иностранных покупателей, пропорционально сокращая разницу цен. Но произошло иначе. Опасаясь «опустошения» отечественной индустрии и роста безработицы из-за чрезмерных ПИИ, корпорации Японии минимально сокращали внутренний выпуск

продукции и увеличивали производство за рубежом, накапливая избыточные производственные мощности [13, р. 17].

Ученый критиковал неомеркантилистскую политику защиты и продвижения национального производства, которая толкала вверх курс иены и заработную плату, усиливала дефекты двойной структуры OF-ID, ввергая экономику Японии в упадок и вынуждая демонтировать и реформировать режим догоняющего развития парадигмы FG [13, р. 17].

Однако чаяемая либерализация экономики Японии противоречила традиционным национальным нравственно-хозяйственным ценностям и сложившейся эффективной системе производственных отношений. Поэтому Т. Озава честно признал бесперспективность и социальную неприемлемость нерегулируемой конкуренции и отказа от трудовой этики японцев.

Из послевоенного хаоса возник уникальный японский стиль управления и гармоничных трудовых отношений с приоритетом людских ресурсов, названный «человечный капитализм» или «человечная система предприятия». Антропоцентризм (человек в центре мироздания) лежит в основе японской модели экономики. «Японский бренд капитализма» определяют «пожизненная занятость», «система выслуги лет» и «профсоюзы компаний» [13, р. 18].

Наемному работнику гарантируется занятость, пока существует компания. Ожидается, что «постоянный» сотрудник посвятит себя целям и благополучию фирмы и со временем будет продвигаться по службе в соответствии с определенной шкалой заработной платы и компенсаций по выслуге лет. Из прибыли всем сотрудникам два раза в год выплачиваются премии. Разрыв в оплате труда между руководителями и рядовыми работниками поддерживается на низком уровне; идеология «мы все в одной лодке» стимулирует сотрудничество и преданность [13, р. 18].

Япония – эгалитарное общество, и близнесмены испытывают чувство лояльности и ответственности к своей группе и подчиненным. Японские компании организованы с несколькими долями участия и управляются как единое целое, представляющее интересы своих сотрудников (в занятости и доходах), кредиторов (в кредитных обязательствах), поставщиков (в устойчивых и надежных заказах на узлы, детали, комплектующие), акционеров (в долго-

срочном корпоративном росте). Эта особенность получила название «модель заинтересованных сторон» и была определена Всемирным банком как «совместный рост» в исследовании «Восточноазиатское чудо» (1993) [13, р. 18, 19].

Японская система основана на трех предпосылках человечной экономической философии: 1) человеческие ресурсы – важнейший фактор производства, определяющий рыночную стоимость товаров; 2) люди способны думать, анализировать, изобретать, внедрять новейшие технологии и обрабатывать информацию, создавая богатство; 3) производительность людей может расти или падать в зависимости от мотивации или деморализации рабочей среды [13, р. 19].

Т. Озава убежден, что без ориентации на человека не возникла бы всемирно известная парадигма японской системы гибкого или бережливого сборочного производства в компании «Тойота» – «тойотаизм». Революционной оказалась активизация интеллектуальных возможностей работников; они не «физическая сила», исполняющая приказы как при американском «фордизме-тейлоризме», а «думающие» сотрудники, способные разобраться и предложить способы решения производственных проблем [13, р. 19].

Японский подход к человеческим ресурсам на корпоративном уровне отличается от подхода США.

Свойства американской модели, ориентированной на финансы капитализма: корпорации реализуют интересы финансистов/инвесторов-собственников, одержимых максимизацией акционерной стоимости; работники – фактор производства, использование которого регулируется наймом и увольнением; эффективность/прибыльность сочетается с гарантией занятости и «гибким» рынком труда [13, р. 31].

Свойства японской модели, ориентированной на человека капитализма: корпорации действуют ради блага людей, труд которых определяет рыночную цену производимых товаров и обеспечивает максимизацию акционерной стоимости; работники – постоянные ресурсы компании, производительность которых зависит от окружающей обстановки, обладают интеллектом и способностью накапливать информацию для производства богатства; «невидимый общественный договор» – приоритет занятости (работы) над краткосрочной эффективностью в условиях негибкого рынка труда [13, р. 17, 31].

Трудовые отношения Японии обеспечили феноменальный рост производительности труда, стали институциональным достоянием нации и не могут быть демонтированы, чтобы показывать выгодные краткосрочные результаты за счет сокращения заработной платы и угождать инвесторам на фондовом рынке. Японцы просто не могут поставить интересы трудящихся, связанные с получением средств к существованию, позади денежных интересов финансистов или рантье. И эта культурная черта или система убеждений объясняет, почему Япония не желает быть похожей на США [13, р. 19].

Национально ориентированная экономическая политика правящей власти Японии воспринимала и использовала накапливающийся исторический опыт «государства развития», о котором писал Сигехиса Касахара – следующий авторитет в череде мыслителей Страны восходящего солнца.

С. Касахара родился в 1953 г., получил степень бакалавра по экономике и политологии в Государственном университете Гран-Вэлли штата Мичиган в 1978 г., степень магистра по международным отношениям в Американском университете Вашингтона в 1981 г., степень магистра по экономике в аспирантуре Новой школы социальных исследований Нью-Йорка в 1986 г., работал в Конференции по торговле и развитию ООН в 1987–2013 гг., после ухода с международной гражданской службы возобновил академическую жизнь в качестве исследователя-докторанта Института социальных исследований Гааги, защитил в 2019 г. докторскую диссертацию на тему «Критическая оценка парадигмы “Полет гусей”: эволюция модели и ее применение в региональном развитии Восточной Азии и за ее пределами», научный сотрудник Университета имени Эразма Роттердамского в Роттердаме. В широком спектре профессиональных интересов С. Касахары присутствовали проблемы международной политики экономического развития и торговли, роли государства в индустриализации, интеграции, развития стран Восточной Азии в рамках парадигмы FG.

С. Касахара говорил о взаимодействии политики правительства и хозяйственной деятельности предпринимателей, доказывал, что государство обязано выполнять свои функции, а не «уходить» из экономики, настаивал на введении термина «государство развития» и

включении его в парадигму FG. Ученый пояснял содержание понятия «государство развития» и его применение в осмыслении опыта восточноазиатских стран [5, р. 19].

Логика современных версий парадигмы FG подчеркивала упорядоченность рыночно-национальной последовательности индустриального развития в национальной и региональной экономике. Нецелесообразно стране с обильной неквалифицированной рабочей силой пытаться форсировать создание капиталоемких высокотехнологичных или наукоемких секторов. Концепция развития парадигмы FG предполагала, что догоняющей экономике не надо авантюристично «прыгать по ступенькам отраслевой лестницы», а стоит pragmatically определять цели продвижения, подбирая отраслевые сектора, теряющие конкурентоспособность в передовых странах [5, р. 19].

Правительству желательно использовать сравнительные преимущества в издержках производства, стимулировать инвестиции и обучение в перспективных отраслях, обеспечивать комфортную среду макроэкономической стабильности, эффективной бюджетной политики, поддерживать внутренние рынки факторов производства, создавать современную инфраструктуру – энергетику, транспорт и связь. Инициативы государства развития способствуют региональным изменениям в соответствии с парадигмой FG, укреплению экономического потенциала местных фирм, налаживанию кооперационных связей с иностранными филиалами – производителями искусной и сложной продукции [5, р. 20].

Парадигма FG была теоретической основой предложенного в 1987 г. Японией Нового азиатского плана промышленного развития в формате государственных программ, всеобъемлющих генеральных планов и руководящих принципов развития конкретных секторов. Заявленный план предусматривал увязку денежных средств помощи с наращиванием экспортных секторов, предоставлением японских экспертных знаний и ноу-хау, поддерживая отраслевую реструктуризацию и индустриальную модернизацию Восточной Азии. Некоторые из достоинств не-принятого плана, возможно, сохранились среди лиц, принимающих решения в регионе [5, р. 21].

Региональный ракурс рассмотрения концепции К. Акамацу расширился в докторской диссертации С. Касахары [6], которая стала не

только подведением итогов эволюции парадигмы «Полет диких гусей» в современной политической экономии Японии, но и постановкой проблемы возможности применения модели FG в изучении экономического развития за пределами региона Восточной Азии. Стало быть, речь можно вести не только о «вестернизации» модели FG, но и о векторе «японизации» мировой экономической мысли в соответствии с эволюцией парадигмы «Полет диких гусей». Однако это уже предмет нового научного поиска.

Заключение

Резюмируя научный обзор, надобно сказать, что исторический экскурс очертил общий фон взаимодействия экономики и государственной политики, на котором развертывалась эволюция парадигмы экономической мысли Японии с середины прошлого века. Политико-экономические интересы Японии стали определяться статусом регионального лидера глобального масштаба. Оригинальная модель FG K. Акамацу подверглась адаптации к изменившимся обстоятельствам. Усилиями К. Кодзимы, С. Окиты, Т. Озавы, С. Касахары парадигма FG развивалась в направлении «вестернизации» и международного признания.

Список литературы

1. Черемисинов Г. А. Концептуальная основа современной политической экономии Японии: парадигма «Полет диких гусей» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 240–249. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-240-249>, EDN: ABWKJM
2. Akamatsu K. A Theory of unbalanced growth in the world economy // Weltwirtschaftliches Archiv: Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft an der Universität Kiel. Tübingen : Mohr, 1961. № 86. P. 196–217.
3. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries // The Developing Economies. 1962. Vol. 1, iss. s1. P. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
4. Ozawa T. Institutions, industrial upgrading, and economic performance in Japan: The “flying-geese” paradigm of catch-up growth. Cheltenham, U.K. : Edward Elgar, 2005. 234 p.
5. Kasahara S. The Asian Developmental State and the Flying Geese Model. Geneva, Switzerland, 2013. iii + 30 p. (UNCTAD Discussion Papers № 213).
6. Kasahara S. A Critical Evaluation of the Flying Geese Paradigm: The evolving framework of the model and its application to East Asian regional development and beyond: Thesis to obtain the degree of Doctor from the Erasmus University Rotterdam by command of the Rector Magnificus and in accordance with the decision of the Doctorate Board. Erasmus University Rotterdam, 2019, December 19. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/123636>.
7. Черемисинов Г. А., Пугачев И. О. Воздействие государственного предпринимательства на макроэкономическую динамику современной России. М. : Пере, 2021. 236 с. EDN: KUQUAV
8. Kojima K. The «flying geese» model of Asian economic development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications // Journal of Asian Economics. 2000. Vol. 11, iss. 4. P. 375–401. [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(00)00067-1)
9. Schröppel C., Nakajima M. The Changing Interpretation of the Flying Geese Model of Economic Development // Japanstudien. 2003. Vol. 14, iss. 1. P. 203–235. <https://doi.org/10.1080/09386491.2003.11826895>
10. Ozawa T. Professor Kiyoshi Kojima’s Contributions to FDI Theory: Trade, Growth, and Integration in East Asia // The International Economy. 2007. Vol. 2007, iss. 11. P. 17–33. <https://doi.org/10.5652/internationaleconomy.2007.17>
11. Okita S. The emerging prospects for development and the world economy: 3rd Raul Prebisch Lecture July 1987. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva, Switzerland, 1987. 12 p.
12. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М. : Мысль, 2003. 300 с.
13. Ozawa T. The “Hidden” Side of the “Flying-Geese” Model of Catch-Up Growth: Japan’s Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass. Honolulu, Hawaii : East-West Center, 2001. 30 p. (Economics Study Area Working Papers 20).

References

1. Cheremisinov G. A. The conceptual basis of Japanese modern political economy: “Flying Wild Geese” paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 240–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-3-240-249>, EDN: ABWKJM
2. Akamatsu K. A Theory of unbalanced growth in the world economy. *Weltwirtschaftliches Archiv: Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft an der Universität Kiel*. Tübingen, Mohr, 1961, № 86, pp. 196–217.
3. Akamatsu K. A historical pattern of economic growth in developing countries. *The Developing Economies*, 1962, vol. 1, iss. s1, pp. 3–25. <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
4. Ozawa T. *Institutions, industrial upgrading, and economic performance in Japan: The “flying-geese” paradigm of catch-up growth*. Cheltenham, U.K., Edward Elgar, 2005. 234 p.

5. Kasahara S. *The Asian Developmental State and the Flying Geese Model*. UNCTAD Discussion Papers № 213. Geneva, Switzerland, 2013. iii + 30 p.
6. Kasahara S. *A Critical Evaluation of the Flying Geese Paradigm: The evolving framework of the model and its application to East Asian regional development and beyond*. Thesis to obtain the degree of Doctor from the Erasmus University Rotterdam by command of the Rector Magnificus and in accordance with the decision of the Doctorate Board. Erasmus University Rotterdam. 2019, December 19. Retrieved from <http://hdl.handle.net/1765/123636>.
7. Cheremisinov G. A., Pugachev I. O. *Vozdeystvie gosudarstvennogo predprinimatel'stva na makroekonomicheskuyu dinamiku sovremennoy Rossii* [The impact of state enterprise on the macroeconomic dynamics of modern Russia]. Moscow, Pero, 2020. 236 p. (in Russian). EDN: KUQUAV
8. Kojima K. The “flying geese” model of Asian economic development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 2000, vol. 11, iss. 4, pp. 375–401. [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(00)00067-1)
9. Schröppel C., Nakajima M. The Changing Interpretation of the Flying Geese Model of Economic Development. *Japanstudien*, 2003, vol. 14, iss. 1, pp. 203–235. <https://doi.org/10.1080/09386491.2003.11826895>
10. Ozawa T. Professor Kiyoshi Kojima’s Contributions to FDI Theory: Trade, Growth, and Integration in East Asia. *The International Economy*, 2007, vol. 2007, iss. 11, pp. 17–33. <https://doi.org/10.5652/internationaleconomy.2007.17>
11. Okita S. *The emerging prospects for development and the world economy : 3rd Raul Prebisch Lecture July 1987*. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva, Switzerland, 1987. 12 p.
12. Stiglitz J. Yu. *Globalizausiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: Alarming trends]. Moscow, Mysl, 2003. 300 p. (in Russian).
13. Ozawa T. *The “Hidden” Side of the “Flying-Geese” Model of Catch-Up Growth: Japan’s Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass*. Economics Study Area Working Papers 20. Honolulu, Hawaii, East-West Center, 2001. 30 p.

Поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 30.09.2025
The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 30.09.2025